

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+



Марк Рабинович

Сабра

Марк Рабинович

**Сабра**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

**Рабинович М.**

Сабра / М. Рабинович — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-96269-9

Год 1973. Молодой инженер Стэнли Кранц из США едет в командировку в Израиль, не зная, что на следующий день начнется война Судного Дня. Там, в загадочной и непонятной стране он познакомится с политической "кухней" Голды Меир, услышит магию стен Иерусалима, узнает тайну своего рождения, будет участвовать в форсировании Суэцкого канала и, наконец, найдет свою любовь. Тексты и лексика диалогов в "кухне" Голды Меир, хотя и используют данные "Протоколов Войны Судного Дня", все же целиком лежат на совести автора. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-96269-9

© Рабинович М., 2019  
© ЛитРес: Самиздат, 2019

# Содержание

Бруклайн	5
Иерусалим	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

# Марк Рабинович Сабра

## Бруклайн

*Сентябрь 1973*

Все люди условно делятся на "жаворонков" и "сов". Я – "жаворонок" и наверное это вина моих крестьянских предков, которые из поколения в поколение выходили работать на поле еще затемно и передали эту привычку мне за неимением какого-либо другого наследства. Как известно, "жаворонку" полагается вставать с рассветом и бурлить энергией всю первую половину дня, постепенно успокаиваясь после сытного обеда. А вот к вечеру такая птичка становится тихой и лиричной и в сон его начинает клонить тогда, когда у "сов" только начинается гон. К сожалению, большинство в моем окружении – "совы" и к этому приходится приспосабливаться, если, например, хочется посидеть допоздна с друзьями. Поэтому иногда я веду себя как "осовевший жаворонок".

Несомненно быть жаворонком по рабочим дням – удобно. Просыпаешься в пять утра с понедельника по пятницу и успеваешь выехать на трассу еще до начала безумных пробок, а потом спокойненько едешь на работу, хоть и медленно, но все же едешь. А вот те совы, которым с трудом удается продрать глаза, привести себя в порядок, позавтракать чем бог послал и выехать около девяти, вот те получают по полной от наших загруженных городских перекрестков. Некоторые из них еще до выезда на перегруженную трассу успевают освежить в памяти испанский язык, который по части ненормативной лексики намного превосходит английский. Поэтому по будням я горжусь тем, что я "жаворонок". Но скажите на милость, какого лешего мне требуется просыпаться в пять утра в субботу? А ведь просыпаюсь и даже безо всякого будильника. Стив Морган из соседнего подъезда, который тоже встает ни свет ни заря, утверждает, что его будит кошка в 4:30 требуя еду. Я как-то видел у Стива это гипертрофически перекормленное и вечно голодное подобие кота и не сомневаюсь, что к половине пятого ему уже сводит челюсти от голода. Но у меня-то никакого кота нет, так что же мне не спится по выходным?

Вот и сегодня, я поднялся еще затемно. Мне до сих пор не удалось избавиться от впитанных с детства кентукийских привычек, поэтому вместо хлопьев с молоком или бледных аристократических тостов, я умял на завтрак болтуню из трех яиц с бубликом. Никаких планов на эту субботу у меня не было и для начала я вышел подышать воздухом в палисадник, благо за окном уже посветлело. К нам в Новую Англию как раз пришло Индейское Лето и день вроде бы обещал быть не по-осеннему теплым и не по-сентябрьски солнечным. Стив, невинная жертва бескорыстной любви к кошкам, уже был там и, как обычно, расставлял шахматные фигуры на столике под липой.

Я знал, что он ждет Грегори Хейфица со второго этажа, где проживала семья эмигрантов из СССР с бабушкой и собакой. Сейчас Грегори выйдет и поприветствует Стива возгласом:

— Привет, ниггер!

На что получит в ответ:

— Всем жидам – наше вам!

После этого они обнимутся и разыграют шахматную партию, традиционно заканчивающуюся ничьей. Оба они то ли на самом деле были, то ли старались быть типичными представителями своего этноса. Стив заплетал длинные волосы по-ямайски, хотя никогда в Кингстоне не был, играл в баскетбол и ходил на шахматные баталии в городском парке, а Грегори носил

очки в массивной оправе, страдал астигматизмом и играл на скрипке. Поэтому я, как потомок ку-клукс-клановцев, органично вписывался третьим в их компанию и мы не раз выпивали вместе по кружечке-другой "Самуэля Адамса" в баре за углом.

Как-то раз ко мне приехал в отец и гостил несколько дней, бродя по городу. Бостон ему понравился, но папаша этого, разумеется, не признал, пробормотав:

— Наверде нашего Лексингтона, да только чуть побольше будет.

А вот люди в Новой Англии ему не приглянулись. У нас в Бруклайне обитают русские, евреи, индусы и немногочисленные янки. И те и другие плохо понимали его средне-восточный говор, а порой и шарахались от его деревенских подходов. Поэтому на третий день мой папаша засобирался домой. Перед самым отъездом он увидел под окном этих двух клоунов, услышал как они разговаривают и проворчал:

— У вас тут что ниггеры, что жидаы – все какие-то ненормальные. Некоторые даже на людей похожи!

Любой другой мог заподозрить его в расизме, но я-то хорошо знал старого ворчуна, также как и знал, что его лучшим другом остается чернокожий дядя Нельсон, которого я помню с детства. В свое время, они с отцом вместе прошли в одном танке от Шербура до Арденн. Там Нельсона ранили и дальше папаша воевал уже без него, вместе с Сэмми Голдштейном. Сэма я тоже видел пару раз у нас на ферме, у него еще не было пальцев на правой руке. Потом, несколько лет назад отец и дядя Нельсон ездили на его похороны в Бронкс. Кстати, в его последующие приезды я пару раз застал отца играющим в шахматы с Грегори и Стивом, причем он обыгрывал обоих. Папаша вообще хорошо умеет прикидываться деревенщиной из самых глухих мест. На самом деле мало кто даже у нас в МТИ<sup>1</sup> обладает таким врожденным аналитическим умом. Казалось бы, пережила твоя ферма и Великую Депрессию и индустриализацию, живи себе и радуйся, выращивай свой табак и гони свою самогонку, благо Сухой Закон давно отменен, да и готовь к тому же своих потомков. Но нет, мой папаша не таков. Еще когда я был совсем сопливым мальчишкой, он как-то поехал к друзьям в Лексингтон, покрутился там пару дней, выпил несчетное количество порций бурбона и, вернувшись, перевернул всю мою жизнь. Не знаю, что именно отец определил своим верхним чутьем, но первым делом он заявил, что фермер из меня все равно не выйдет, так что придется делать из меня ученого малого. Потом последовала привилегированная школа в Лексингтоне, а затем и колледж в МТИ. Для меня все это было как гром с ясного неба. Я еще мог, с большим трудом, представить себя в роли инженера-механизатора, но стать электронщиком было для меня почти как стать астронавтом. Тем более, что в нашем городке про полеты в космос знали много больше чем про гибридные микросхемы и компараторы. А вот теперь я и представить себя не могу без листа ватмана на столе да без своих "скремблеров", которые, если по-правде, частенько горят.

В этот момент мои воспоминания прервал Грегори, который, вместо того чтобы появиться в палисаднике, высунулся из окна и заорал:

— Стэнли! Тебе с работы какой-то козел звонит!

Какая еще работа в субботу, внутренне возмутился я? И кто у нас там козел, подумал я, уже догадываясь, кто это. Телефон Грегори я сам дал своему боссу, так как своего у меня нет, а по нашим новым правилам все ведущие специалисты должны быть в пределах досягаемости. Эти правила появились после того как наши скремблеры заинтересовали кое-кого в Вашингтоне. Оттуда, вместе с правительственными заказами мы получили периодические визиты подтянутых мужчин неопределенного возраста в одинаковых темных костюмах в полоску и в незапоминающихся галстуках. Визитеры приносили разноцветные бумажки, с неудобочитаемым текстом, напечатанным разными шрифтами, где крупным а где и мелким. Под этими бумажками мы все должны были расписаться да еще и на каждом листе. Потом выяснилось, что

---

<sup>1</sup> Массачусетский Технологический Институт

никто, кроме толстяка Гильермо, их не читал. Гильермо же был известен своей дотошностью, вот она-то его и подвела. Как перфекционист, он читал все подряд, включая текст напечатанный мелкими буквами на языке, который с трудом понимают даже адвокаты. После этого подвига он слег на неделю с нервным расстройством, а потом надолго стал предметом всеобщих насмешек. Прыгая через ступеньку, я поднялся к Грегори и пробормотав "dobroe utro" его бабушке, взял трубку. Как я и ожидал, "козлом" оказался мой босс. Смущенным голосом он поинтересовался моими планами на сегодняшний день и с видимым облегчением узнав, что никаких планов у меня нет, попросил немедленно приехать в офис. Судя по его взволнованному голосу произошло нечто серьезное и я не стал изображать недовольство.

Повесив трубку я задумался над дресс-кодом. Ни фрак ни шорты надевать не стоило, а чистые галстуки у меня кончились. поэтому я остановился на пятничном прикиде: рубашка в клетку и джинсы. Наскоро приняв душ, почистив зубы и натянув одежду я сел в свой синий Додж 65-го года и выехал по пустым субботним улицам на трассу. Как-то Стив рассказал нам что тут вдоль дороги когда-то стояли посты пикинеров, которые еще в дореволюционные времена требовали путевой сбор в казну короля. Чтобы произвести впечатление на простодушных селян, они стояли по обеим сторонам дороги и скрещивали свои алебарды перед злостными неплательщиками. Поэтому дорога называлась Массачусетс Тернпайк или просто Пайк, но теперь ее ширина не позволяла использовать алебарды и в собрании штата поговаривали о шлагбаумах. Пока что, однако, проезд был бесплатный. и я погнал свой Додж, пользуясь свободой раннего субботнего утра. Все же, когда я подъезжал к Волтаму, дорога уже начала наполняться машинами с полусонными совами, спешащими насладиться субботними скидками в супермаркетах. Бросив машину на пустой, по случаю выходного дня, стоянке, вбежал на второй этаж и вломился в кабинет Ника.

Ник Бурраж, сколь я его знаю, всегда старался выглядеть стопроцентным янки. Более того, он всячески пытался походить на выходца из Новой Англии и всегда расцветал, когда в каком-нибудь захолустье ему намекали на его "британский акцент". Мало кто знал как нелегко давалось гардвадское произношение уроженцу Айдахо. Да, именно Айдахо, откуда он был родом, как мне помнится из Меридиана. Между прочим, Меридиан еще не самый плохой вариант. Я как-то был знаком с одним малым из городка Москва в Айдахо, так он всегда недоумевал, почему все считают его русским. О столице СССР этот парень и слухом не слыхивал. Ник как-то, в порыве откровения, признался, что мой Кентукки, который я-то считал последней дырой, выглядит Европой на фоне Айдахо. Сам же он так пыжился не выглядеть деревенщиной с Дальнего Запада, что даже сменил отцовскую фамилию Эванс на фамилию своей жены и любил когда его называли Никласом. В остальном Ник был идеальным боссом, в меру требовательным и, порой не в меру, заботливым. А еще он был порядочным человеком и веселым парнем, с которым в пятницу вечером неплохо было посидеть в баре. Поэтому мы охотно прощали Нику его маленькие слабости.

Увидев меня одетым по-пятничному, Ник поморщился. Сам он как истинный провинциал придавал чрезмерное, на мой взгляд, значение дресс-коду. Вот и сейчас он был упакован в костюм-тройку, увенчанный модным, но не броским галстуком. Тут чувствовалась рука его миниатюрной, веселой и очень изящной жены, которую мы видели редко, но к которой прониклись глубочайшим уважением за высокое искусство дрессировки мужчин. Отдышавшись я осмотрелся и мне стало понятным недовольство босса. На кресле у окна сидел некий джентльмен, неохотно поднявший свой зад по случаю моего прихода. Его профессиональную принадлежность выдавал только костюм в полоску, потому что в остальном он заметно отличался от торговцев разноцветными бумажками из той-же конторы, и отличался, надо признать, к лучшему. Встав, незнакомец оказался среднего роста. Возраст его не поддавался точному определению, но колебался где то между 40-ка и 60-ю годами. Узкое лицо, которое я бы назвал "аристократичным", обрамляли редкие полуседые волосы, аккуратно уложенные вдоль внуши-

тельных залысин. Глаз я не разглядел, но надо полагать они были серого цвета, чтобы усложнить словесный портрет. На шее у него я заметил длинный, очень аккуратно заштопанный, но все же заметный шрам, вид которого не мог полностью скрыть воротник сорочки.

— Знакомьтесь – Стэнли Кранц – воскликнул Ник, широким жестом показывая на меня. Незнакомец протянул руку:

— Очень приятно – пробормотал я еще не полностью отдышавшись и пожал протянутую руку. Его рукопожатие было энергичным, но не чрезмерно сильным.

— Майкл – отчеканил полосатый костюм. Надо полагать это было имя, а фамилия не прозвучала, вероятно за ненадобностью.

— Стэнли, познакомься пожалуйста с Наоми Берковиц – продолжил босс и тут я обнаружил в кабинете еще один персонаж.

Девушка сидела в углу и наверное поэтому я ее не сразу заметил, пока она не поднялась и протянула мне руку. Рукопожатие было на удивление крепким, не женским, хотя сама она оказалось миниатюрной брюнеткой с вьющимися каштановыми волосами и яркими глазами, цвет которых от меня почему-то ускользал. Огромные очки бабочкой не портили ее, а скорее служили контрастом, подчеркивая тонкие черты лица. Наверное из-за этих огромных очков мне не удавалось определить цвет глаз, и казалось, что ее лицо прикрыто маской, на манер венецианской. Ник продолжил:

— Мисс Берковиц работает в Денверском отделении нашей компании, там где предполагается выпускать наши... изделия.

Я вспомнил, что босс обожает эвфемизмы. Поэтому наши скремблеры в разговорах именовались "коробками", "изделиями" или "рандомайзерами". А Ник говорил:

— ... Она хорошо знакома с технической стороной вопроса и будет помогать нам с тобой во время нашей поездки...

Тут он сделал эффектную паузу и посмотрел на меня в упор. Вероятно на моем лице достаточно явственно был написан вопрос, потому что он удовлетворенно усмехнулся и закончил:

— ... в Тель-Авив.

— Вообще-то – в Иерусалим – поправила его мисс Берковиц.

Надо сказать, что я никогда не был за границей и даже не представлял себе цвет обложки паспорта Соединенных Штатов. Правда я давно лелеял мечту о туре по Европе, но пока что это оставалось мечтой. Можно представить, что происходило с моим лицом, которым я, признаться, не очень хорошо владею, при мысли о поездке в экзотическую восточную страну. Наверное эта гамма чувств была не слишком понятна постороннему наблюдателю, потому что мисс Берковиц поспешила заметить:

— Это в Израиле – и добавила, с некоторой долей ехидства в голосе – Израиль – это такая страна, а не город в Висконсине.

Я тоже умею быть ехидным и при желании мог бы поправить ее указав, что местность называемая Израиль находится в Западной Виргинии, а Иерусалим можно найти почти в каждом штате. Но я предпочел промолчать.

— Мисс Берковиц свободно владеет ивритом, что делает ее помощь бесценной – кисло заметил Ник, который, подобно любому менеджеру среднего звена, был не в восторге от вмешательства в его епархию.

— Зовите меня Наоми, если можно – кротко сказала девушка. Хотя я и не могу похвастаться большим опытом в отношении противоположного пола, но мне эта ее скромность показалась подозрительной. Мои сомнения усугубили опущенные долу глаза, которые время от времени хитро поблескивали. При одном таком проблеске, мне удалось, наконец, рассмотреть их цвет: зеленый с карими прожилками.

Ник внезапно вспомнил про обладателя костюма в полоску и кивнул в его сторону:

— Майкл будет курировать нашу поездку со стороны правительства.

— Полетите с нами? – поинтересовался я.

— Моя работа дома – ответил Майкл. Голос у него был, казалось бы, лишен каких либо эмоций. Незапоминающийся голос. Никакой голос.

— Там – добавил он ясно дав понять о каком "там" идет речь – вами будут заниматься другие люди.

Не могу сказать, что я сильно огорчился. Перспектива лететь целый день в компании костюма в полоску меня и так не сильно прельщала. И тут я вспомнил:

— Но ведь у меня... – начал было я, но меня прервал Майкл, выложив на стол из неизвестно откуда взявшегося портфеля коричневый конверт и широким жестом предложив мне в него заглянуть. Уже догадываясь, что там увижу, я вытащил из конверта зеленые корочки и, развернув их, некоторое время тупо любовался на свою фотографию. А наш куратор вытащил из своего бездонного портфеля еще один конверт и показал три разноцветные книжечки:

— Это ваши билеты. По настоянию принимающей стороны вы полетите самолетом Эль-Аль – и в ответ на мой безмолвный вопрос, пояснил – Это израильская авиакомпания. Вылет через неделю, в следующее воскресенье, так что у нас будет время на инструктаж.

Эти слова меня насторожили: последнее, о чем я мечтал всю мою жизнь, было проводить время с костюмом в полосочку. Но я тут же сообразил, что в довесок к мрачному Майлу я получу зеленоглазую Наоми и сразу успокоился. Как оказалось, она жила в Ньютоне у каких-то своих родственников.

Во время обратной дороги по Пайку, уже порядочно загруженному машинами, мне было о чем подумать. Сведения, сообщенные мне Ником были весьма скудны, может быть из-за присутствия Майка, а может быть Ник и сам многого не знал. В Иерусалиме нам, по его словам, предстояло опробовать наши скремблеры в одном из непоименованных государственных учреждений. В общем, когда я пришел домой, то не придумал ничего лучшего, как поспать часик перед обедом, прекрасное понимая, что заснуть мне не удастся из-за тревожных мыслей. А мысли мои были сейчас беспорядочны и смутны. Меньше всего меня интересовали наши скремблеры, никогда еще опробованные в деле. Значительно больше меня занимала далекая страна в которой постоянно, судя по газетам, стреляют на улицах. Правда, у нас в Роксбери и Дорчестере такое тоже случается, так что этим меня не испугаешь. Беспокоил меня и дальний перелет. До сих пор я летал только один раз из Лексингтона в Нью Йорк и этот полет не оставил по себе приятных впечатлений. Кроме того, мне почему-то все время вспоминались веселые, зеленые с прожилками, глаза, а еще я подумал что рост для женщины не так уж важен.

Внезапно, мои раздумья, которые я не решился бы называть мечтами, прервал звонок в дверь. Это оказался Грегори, сообщивший, что мне снова звонят, и я поскакал вверх по лестнице, обогнав Грегори на три ступеньки. Быстренько пробормотав бабушке "dobriy den", я схватил трубку. Воистину сегодня был день чудес! Это оказался папаша, который и на День Благодарения-то не выбирался мне позвонить.

— Я слышал, ты уезжаешь? – спросил он, даже не удосужившись поздороваться. За сегодняшний день моя способность удивляться несколько притупилась, поэтому я не изумился его осведомленности, а лишь пробормотал:

— Да, в Израиль – и, вспомнив зеленые глаза Наоми, добавил – Это страна такая.

— Я что-то такое слышал – невозмутимо заметил папаша. Потом он замолчал и в трубке начали раздаваться звуки, похожие на тяжелые вздохи человека, не решающегося сказать что-то важное. Но, зная моего старика, я бы скорее предположил помехи на линии. Наконец он заговорил:

— Передай там привет Натану...

— Кому? – удивился я.

— Он сам тебя найдет. Удачной поездки – и он повесил трубку.

Все чудесатее и чудесатее, подумал я. Где мой старик и где тот Израиль? В моей бедной голове копошились многочисленные вопросы, но я прекрасно понимал, что папаша все равно больше ничего не скажет и все ответы мне придется искать самому по другую сторону Атлантики. Однако, каков старик! Проехать двадцать миль по проселку до телефона на своем полуразвалившемся грузовике, только чтобы упомянуть таинственного Натана.

Сказав бабушке "spasibo" и добравшись до квартиры, я снова попытался заснуть. Для начала неплохо было собраться с мыслями, что я и попытался сделать с закрытыми глазами. Но мои мысли упорно не желали собираться. В них перемешались скремблеры, полосато-костюмный Майкл, зеленоглазая девушка и таинственный Натан. Наверное мне все же удалось на какое-то время задремать, потому что Натана я почему-то представил сидящем на верблюде в костюме бедуина, так что лицо у него оказалось благоразумно закрыто головной повязкой. Проснувшись, я спустился вниз и встретив там Стива с Грегори за очередной шахматной партией, поделился с ними новостью. Стив тут же предложил мне купить по дешевке бронжилет у его приятеля в Роксбери. Грегори же посмотрел на меня странно, как будто он недавно натворил что-то не совсем подобающее и боялся в этом признаться. Отказавшись от бронжилета, я поинтересовался погодой в Израиле. Этого они не знали, но Грегори вспомнил, что там есть море и посоветовал упаковать шорты, плавки и темные очки. Я очень сомневался что наши скремблеры, в силу своего сволочного характера, оставят мне время на развлечения, но все же внял его совету и пошел собираться, хотя до полета оставалась еще неделя. Так как я не нажил еще достаточно добра, то сборы прошли быстро и я ограничился большой дорожной сумкой и небольшим рюкзачком. Еще следовало бы позвонить Алисе, но последнее время она избегала моего общества, что меня почему-то не слишком сильно огорчало. Поэтому я отложил этот разговор на потом, тем более, что у меня как раз кончились "никели".

Инструктаж начался в понедельник утром, когда Майкл отвел нас в конференц-зал и запер дверь, наверное, чтобы добавить таинственности. Там, посмотрев на нас тяжелым взглядом он заговорил:

— Вы, я не сомневаюсь, понимаете, что ваша поездка это не просто обкатка оборудования.

Ничего подобного мы с Ником не полагали, но на всякий случай согласно закивали головами. Я посмотрел на Наоми и не заметил никакой реакции. Майкл продолжил:

— У нас есть основания предполагать, что некие силы, также как и некоторые люди, не заинтересованы в вашем успехе. Более того, эти силы готовы сделать все чтобы помешать вам, или... – тут он сделал эффектную паузу – Или использовать ваш успех в своих целях.

К этому времени нам уже не удавалось продемонстрировать глубокомысленное понимание и мы честно уставились на него двумя недоуменными взорами, причем Наоми по-прежнему оставалась безучастной. Майкл вздохнул, сообразив что по-умному с нами не получится и попробовал по-простому:

— Ваша работа представляет ценность как инструмент стратегической системы управления и наши враги могут либо помешать вашей работе, либо заставить одного из вас работать на себя.

— КГБ? – произнес Ник это страшное слово.

— Возможно, но вовсе не обязательно – поморщился Майкл – В Советском Союзе существует еще ГРУ, и такие же структуры есть у его сателлитов, например ГДР.

Все эти мнемоники нам ничего не говорили, но звучали внушительно. Вообще-то федералы не раз проводили у нас в фирме инструктажи по бдительности и у каждого сотрудника был записан в телефонной книжке заветный номерок, на который можно звонить бесплатно и который никогда не бывает занят. Правда никому из нас еще не представилась возможность проверить эти утверждения и похоже, что вражеским разведкам было глубоко плевать на наши

разработки. Однако сейчас Майкл был очень убедителен и похоже, что на этот раз все было серьезно. Мне первым делом захотелось попросить револьвер, но я сдержался и спросил:

— Что нам следует делать?

— Пока ничего – улыбнулся Майкл, вот только его улыбка мне не понравилась – Просто будьте осторожны.

Наверное он хотел сказать: "будьте бдительны", но поостерегся озвучить это приевшееся нам слово и я записал очко на его счет. А потом он добавил:

— На той стороне за вас будут отвечать мои израильские коллеги. Прошу им полностью доверять и слушаться их указаний.

Мне показалось, что при этих словах по его лицу пробежала почти незаметная судорога. По лицу Наоми тоже пробежала какая-то тень, но возможно мне это просто померещилось. Майкл продолжил:

— Там вами будет заниматься Натан.

— А как мы его узнаем? – спросил Ник.

— Натан сам нас найдет! – уверенно заявил я голосом Джеймса Бонда. Ник и Наоми посмотрели на меня удивленно, а Майкл уважительно и я мысленно поблагодарил своего старика за подсказку.

На этом инструктаж и закончился и мы смогли наконец заняться скремблерами. В лаборатории к нам с Ником присоединилась Наоми, облаченная в такой-же как у нас белый халат. Я всегда удивлялся, насколько униформа и спецодежда добавляет женщинам привлекательности. Вот и сейчас оказалось, что белый цвет удивительно гармонирует с зеленым и я окончательно решил не звонить Алисе.

Скремблеры вели себя паршиво. Нет, они работали без сбоев, почти не искажая сигнал, но все время перегревались и периодически горели. После этого нам приходилось вручную перепаявать гибридные микросхемы и тогда я убедился, что Наоми довольно ловко управляет с паяльником. Дело это непростое и тут нужна определенная ловкость и аккуратность, свойственная скорее женщинам, чем мужчинам. Сначала необходимо аккуратно выпаять сгоревшую деталь не повредив тонкую фольгу печатной платы, а потом впаять новую микросхему с ее многочисленными, как у таракана, ножками. Я невольно залюбовался как Наоми подпаяет тонкие проводки быстрыми, аккуратными движениями, уверенно пользуясь теплоотводом. Во время работы мы с ней перекидывались ничего не значащими словами, но в длинные разговоры не вступали. Меня останавливала какая-то непонятная мне самому робость, а она похоже вовсе не была беззаботной болтушкой. Алисе я так и не позвонил.

После работы Ник пригласил нас выпить за знакомство. Наоми не отказалась, да и меня не ждали дома семеро по лавкам, поэтому мы поехали за пару миль от нашего офиса в небольшой торговый центр. Там, в уголке, располагалась пивная "Мудрый Ворон" облюбованная студентами и знакомая мне еще со времен МТИ. В ней было еще относительно тихо для ирландского паба, но в дальнем углу уже веселилась небольшая компания. Мы облюбовали местечко поближе. Я заказал себе "Бушмилс" чтобы порадовать бармена, а Ник аристократично попросил бокал красного из долины Напа, но такого здесь не оказалось и он удовлетворился чем-то чилийским. Наоми не мудрствуя лукаво выбрала пинту "Гиннеса". Только мы подняли бокала, как к нашему столику подошел Хамид Масри с какой-то девицей восточного типа. С Хамидом и еще двумя парнями я, в свое время, делил студенческую квартиру в Кембридже, а вот девицу видел в первый раз. Хамид представил ее как Айшу, а сама она добавила:

— Из Палестины.

При этих словах Наоми пристально посмотрела на нее, но промолчала.

— Как дела старик? – поинтересовался Хамид – Все свои микросхемы жгешь? Не надоело еще? Лучше бы поездил, посмотрел мир.

— На днях поеду – ответил я.

— Куда?

— В Израиль. Это страна такая – похоже, что эта шутка стала у меня записной.

— Вау! – воскликнул Хамид и посмотрел на Айшу.

— Нет такой страны! – заявила та.

Я с удивлением уставился на девушку. Насколько мне знакома география, ее утверждение было более чем спорным.

— Разумеется – сказала Наоми – Пять арабских армий разбились в 48-м сами по себе.

— Это случилось только из-за предательства трусов и коварства врагов! – воскликнула Айша – Но ничего, наши святые героини прогонят чужаков с родной земли.

— Зачем же прогонять? – спросила Наоми – Не проще ли убить? Гитлер так и поступал.

— Мы не звери. Пусть евреи вернутся туда, где их родина, а нашу оставят нам.

— И где же наша родина?

— Как где? – в голосе Айши слышалось искреннее недоумение – В Европе, кажется в Германии. Ведь вы же оттуда родом?

— Не совсем – сказала изумленная Наоми – А как насчет Давида и Соломона? Или насчет Иисуса? Они тоже из Германии?

— Нет – снисходительно объяснила Айша, явно ощущая свое превосходство – Это просто героини сказок, которые выдумали евреи, чтобы отобрать нашу землю. Да об этом же все учебники пишут!

Мои представления о географии и истории разом встали на дыбы. Похоже, что у нас с Айшой были разные учебники. Ник тоже смотрел на нее с изумлением, а вот у Наоми и Хамида появилось на их лицах почти одинаковое выражение снисходительного удовлетворения.

— Скажи, Айша, а ты не пробовала читать другие книги? – осторожно спросил Ник.

— Зачем? Там же сплошная ложь! – удивилась та, и, повернувшись к Наоми, доброжелательно сказала – Ты не расстраивайся. У нас в Палестине конечно лучше, но и в Германии люди живут. Ну, мне пора. Извините, если расстроила.

С этими словами она покинула нас, кивнув на прощание Хамиду. Боюсь, что мы с Ником не сразу закрыли рты, но и Наоми явно была изумлена не меньше нас.

— Откуда это чудо? – спросила она.

— Из лагеря беженцев под Бейрутом. И там таких чудес по десятку на квадратный фут – очень серьезно ответил Хамид.

— Наши израильские арабы совсем не такие – убежденно сказала Наоми – Они не отрицают очевидного.

— Ошибаетесь, моя дорогая...? – он вопросительно поднял брови.

— Наоми. Я из Израиля, как вы наверное догадались.

— Так вот, моя милая Наоми, давно ли вы живете в Израиле? – продолжил Хамид свой допрос.

— Пять лет – сказала она и немного покраснела.

— И вам кажется, что вы знаете арабов? Не отвечайте, пожалуйста! На самом же деле вы их совсем не знаете. Но погодите... Если не возражаете, я вас покину на минутку, только чтоб принести себе выпивку – и с этими словами Хамид направился к стойке бара.

— Он что, христианин? – спросила Наоми, повернувшись ко мне.

— Нет, просто не дурак выпить – ответил я и усмехнулся вспомнив наши студенческие подвиги. Наоми только удивленно покачала головой, но ничего не сказала. Вскоре Хамид вернулся держа в руках стакан с чем-то темным.

— "Отвертка"? – предположил я.

— Помнишь! – удовлетворенно сказал Хамид. Взглянув на Наоми, он подмигнул ей, отхлебнул свой коктейль и начал вещать лекторским голосом:

— Мы, арабы, это особая культура, можно сказать, отдельная цивилизация. Подумайте сами, разве два взаимно противоречащих факта могут быть истинны одновременно?

Мы отрицательно помотали головой.

— А у нас это норма. Вот, к примеру, кто победил в Июньской Войне? Ну, вы еще ее называете Шестидневной! Догадываетесь? Ну, конечно, же мы, арабы. А факты о каких-то там пленных, трофеях или захваченных территориях не могут противоречить утверждениям, истинным по определению. Или, скажем, спросите меня, много ли среди сирийцев, египтян или иракцев всемирно известных ученых? Да их пруд пруди, скажет вам любой араб, вот только ни один из нас не назовет имен, но может ли это умалить непреложную истину?

— Ты что, так иронизируешь? – спросил я его.

— Вовсе нет и это еще одна ошибка европейцев. То что мы говорим это то что мы думаем, а придурковатые колонизаторы принимают это за цветастость восточной фантазии. Так что если мы говорим что зарежем, то именно это мы и собираемся сделать. Наша Айша очень добрая девочка и поэтому она собирается выгнать Наоми, а не уничтожить. А хотела бы убить, то так бы и сказала. И еще – у нас особые отношения со временем. Для нас не существует разницы между "сейчас" и через тысячелетие и поэтому мы побеждаем во всех войнах. Ведь мы можем ждать свою победу бесконечно долго. Поэтому мы уже победили и именно поэтому Айше вас жалко.

— Ты имеешь ввиду меня? – спросила Наоми.

— Нет! Она имеет ввиду всех вас – Хамид обвел зал широким жестом – Ведь в ее глазах вы уже побеждены, вы все: евреи, крестоносцы, христиане, буддисты. Ислам уже завоевал весь мир, только это еще не произошло, а когда именно произойдет – неважно.

— А ты? – спросил его Ник – Ты же видишь мир не так, верно?

— Ты уверен? – Хамид прищурился и повторил – Ты уверен?

Как теперь выяснялось, я совсем не знал парня с которым три года разделял квартиру. В свое время Хамид изучал в Гарварде что-то социальное и, похоже, на этом социальном малость свихнулся. Вот только Ник и Наоми, судя по всему не разделяли мое мнение. Наоми смотрела на Хамида с ужасом, а Ник – с брезгливостью. Да и мне тоже стало не по себе. Ник попытался разрядить обстановку:

— Хамид, но ты ведь можешь объяснить им, тебе поверят.

— Что объяснить?

— Да, к примеру, что евреи жили в их Палестине в течении тысяч лет – вмешалась Наоми.

— А зачем? – удивился Хамид – Что я буду с этого иметь? Да и не поможет все равно. Нет, уж я лучше найду себе нишу в новом, исламском мире. Правда там не будет "Отвертки", но я переживу.

— Так вот кто во всему виной! – завопила Наоми так, что на нас начали оглядываться.

— Простите? – Хамид в испуге схватился за свой коктейль.

— Теперь я понимаю – продолжала кричать девушка – Из-за вас, из-за тех кто прячется в своих нишах, из-за вашей трусости начинаются войны! А ведь в этой нише так уютно, да еще можно и парочку жирных грантов подцепить из какогонибудь фонда! Я права? Скажи? Верно? Верно?

Она постепенно наступала на Хамида, а он отступал, выставив вперед свою "Отвертку" и пытаясь с ее помощью защититься от не в шутку рассвирепевший Наоми. В конце концов он сбежал, не допив свой коктейль, но сразу за ним ушли и мы, преследуемые укоризненными взглядами бармена. На стоянке Ник сказал Наоми:

— Так себе вечер, верно?

— Полезный вечер – возразила она – Врагов надо знать в лицо.

— Разве Айша вам враг? – примирительно спросил Ник.

— Айша? – удивилась девушка – О, нет. Я про этого козла, как его...?

— Хамид – подсказал я.

— Хамид... – повторила она – Вот где настоящая опасность! А вечер был классный! Спасибо и до завтра.

Когда она уехала на своем красном Форде, Ник задумчиво посмотрел на меня и неуверенно произнес:

— Что за страна этот Израиль?!

Весь день вторника прошел в возне со скремблерами и, признаюсь, зеленые глаза и каштановые волосы изрядно отвлекали меня от работы. Но рутинная деятельность и не требует большой концентрации, так что я почти ничего не сжег. На следующий день, во среду утром, мне не удалось насладиться полупустыми трассами, потому что Ник попросил меня подбросить его на работу. Как оказалось, его машина начала барахлить и он вчера отвез ее в гараж, поэтому сегодня мне пришлось гнать свой Додж в Ньютон через бесконечные светофоры. В Ньютоне Ник жил с женой и сынишкой в небольшом коттедже на холме, где я бывал пару раз и поэтому хорошо помнил дорогу. Но сегодня подъезд к их дому выглядел странно. Вначале мимо меня пронеслась машина скорой помощи, завывая сиреной и меня сразу начало подташнивать от страха, еще до того как я подъехал к въезду в переулок Хэнкок. Там стояло несколько сверкающих никелем пожарных чудовищ и мигали разноцветными сигналами патрульные машины. Из переулка тянуло дымом, а на въезде в него двое чернокожих копов натягивали яркие желтые ленты. Когда я бросил машину и подбежал к ограждению, мне внезапно стало дурно и пришлось остановиться. Пока я судорожно, чтобы унять спазмы желудка, глотал прохладный утренний воздух, ко мне подошел один из полицейских.

— Доброе утро, сэр – поздоровался он и поперхнулся, сообразив, что сказал глупость. – Живете здесь?

Я судорожно помотал головой.

— Когонибудь ищите?

Мне все еще не удавалось выдать из себя ни звука, потому что отсюда мне хорошо было видно то, что осталось от коттеджа семьи Бурраж. У нас, в Кентукки, стены домов строят из слоев тонких деревянных досок, приколоченных на крепкий каркас, собранный из толстых бревен. Здесь же многие дома выглядели как кирпичные постройки в старой доброй Англии и наверное именно поэтому местность вдоль океана называлась Новой Англией. Но, в большинстве случаев, это была лишь облицовка таких же, как и в моем округе Тэйлор, дощатых стен. Поэтому мощный взрыв не столько разрушил дом, сколько разнес его на куски, разбросав доски по лужайке, которую я еще недавно помогал Нику подстригать.

— Бурраж – прохрипел я – Семья Бурраж!

Коп отрицательно покачал головой.

— Всех? – не совсем внятно спросил я, но он меня понял и молча склонил голову. В глаза мне он старался не смотреть.

— Похоже на взрыв газа. Будет следствие и тогда все окончательно прояснится – добавил полицейский, по-прежнему пряча глаза.

Я рухнул на плохо подстриженный газон и некоторое время тупо смотрел в одну точку. При этом я монотонно повторял "никогда, никогда" понятное только мне одному... Никогда не будет больше ни весельчака Ника с его провинциальными замашками и аристократическими галстуками, ни его мудрой жены Натали, ни маленького Артура, который уже начал звать меня "дядя Стэнли". Никто больше не будет дразнить нас с Ником "цыпленком с картошкой" по избитым стереотипам наших родных штатов. Теперь "цыпленок" остался без гарнира, мрачно подумал я. Около меня валялась какая-то тряпка и, присмотревшись, я узнал порванный резиновый мячик, на котором можно было рассмотреть контуры Микки-Мауса.

На работу я так и не поехал. Когда в голове немного прояснилось, я повел свой Додж домой, уже не давая на газ и не обращая внимания на обгоняющие меня машины: сегодня мне

больше некуда было торопиться. Бросив машину у подъезда, я поплелся в закуточную на углу, уже открывшийся для таких жаворонков, как я. Там сейчас подавали завтраки: яйца всмятку, тосты и жареную картошку, но я при всем желании не мог бы заставить себя заглатывать пищу. Толстая умная официантка, хорошо меня знавшая, наверное что-то заметила. Поэтому спросив только:

— Плохо?

... и получив утвердительный ответ, она принесла мне небольшую плоскую бутылку бурбона и нарезанный лимон на блюдечке. Я немедленно забросил в себя порцию виски и стал ждать пока лекарство подействует. Неожиданно, ко мне без приглашения подсел какой-то мужчина. Последнее, что мне хотелось сейчас, это общаться, но этот тип не отставал и я вынужден был сказать:

— Доброе утро.

Это прозвучало вопросительно, подразумевая: "какого хрена?" Тут незнакомец заговорил и его слова заставили меня поднять глаза:

— Утро действительно доброе, но, полагаю, не для всех. Например, не для тех у кого в доме взорвался баллон с газом...

Вчера, после разговора с Майклом, мы с Ником вволю посмеялись над маниакальной, по выражению Ника, подозрительностью некоторых. Весь день мы сыпали шуточками про Майкла и майклоподобных, но я обратил внимание на то, что Наоми не смеялась. Теперь же Ник больше никогда не посмеется, да и мне уже было не до смеха. Я поднял глаза на говорившего. Это был довольно обычного вида мужчина лет сорока-пятидесяти с невыразительным лицом, темной шевелюрой и в массивных очках со странную оправой. Что-то в этой оправе было не так, но эту неправильность мне не удавалось уловить. На незнакомце были натянуты новенькие летние брюки, которые венчала голубая рубашки с коротким рукавом. Неброский галстук был полураспушен, а свой пиджак незнакомец повесил на спинку стула. Если бы не эти странные очки, то его вполне можно было бы принять за лектора из Гарварда, читающего курс лекций по французской поэзии позднего средневековья. Но меня больше всего заинтересовала его чисто вымытая шея. Я уже прикидывал, что будет если сбросив обладателя необычных очков на пол, сдавить эту шею двумя руками и навалиться на него всем телом. Наверное, мои мысли было так очевидно, что тот непроизвольно отодвинулся и торопливо проговорил:

— Возьмите себя в руки, мистер Кранц. Ни мне ни вам не нужны неприятности. И учтите, взрывы газовых баллонов стали просто национальным бедствием, так что никто не застрахован.

Его шея становилась все более и более привлекательной для меня, но тут я вспомнил последние инструкции строгого Майла. В конце инструктажа тот объяснял, что надо делать при возможных провокациях. Слушал я его невнимательно, но похоже что-то отложилось в подкорке, потому что стиснув зубы я проскрипел:

— Что вам от меня надо?

— Спасибо за понимание, мистер Кранц. Нас всего лишь интересуют незначительные консультации не выходящие за рамки вашей специальности.

— Кого это "вас"? – спросил я, чувствуя себя идиотом, потому что начавшийся диалог, а в особенности моя последняя реплика, напоминали эпизод из дешевого шпионского сериала. У моего собеседника, по видимому, возникли те же ассоциации, потому что он недовольно нахмурился, вероятно вспоминая как в сериалах принято отвечать на подобную глупость. Ничего такого не вспомнив, он просто проигнорировал мой вопрос и продолжил:

— Разумеется, ваша работа будет оплачена в разумных пределах.

Я обратил внимание, что он сказал "работа", а не "услуги", выйдя тем самым за рамки киношных стереотипом. И тут этот тип меня удивил своей откровенностью:

— Я понимаю, друг мой Стэнли, что все происходящее напоминает тебе оперетку, но сам посуди, зачем нужны стереотипы, если от них нет никакой пользы?

— Тогда скажите: "и помните, у нас длинные руки!" – потребовал я, вызвав на его лице лишь снисходительную улыбку.

— Так что же именно вам от меня надо – потребовал я чувствую, что повторяюсь.

— Ой, да откуда мне знать – тут он забавно всплеснул руками, вероятно демонстрируя свою некомпетентность – Вы не того человека спрашиваете. Раз вы согласились консультировать нашу фирму, то я, пожалуй, познакомлю вас с нашим специалистом и вашим коллегой. Товарищ Ингинен, прошу вас.

Я вроде бы еще не на что не соглашался, но заметил, что он снова сказал "консультировать нас" вместо киношного "работать на нас" и мысленно поаплодировал ему. Но каков нахал! "Товарищ"? Наглый шпион даже не счел нужным зашифроваться под уругвайского агента или представителя конкурирующей фирмы. Тем временем около столика материализовался еще один тип. Этот весь, от головы до шнурков ботинок напомнил мне очки главного шпиона. Мешковатый костюм сидел на нем довольно ладно, но вызывал ощущение чего-то чужеродного. Был он довольно молод; если и старше меня, то ненамного. На его довольно невзрачной физиономии застыло странное сочетание смущения и наглости.

— Сергей – представился специалист.

— Ну, а мистера Кранца представлять не надо – усмехнулся шпион – Я вас пожалуй оставлю вдвоем. В ваших железяках я все равно не разбираюсь.

— Ну и как называется ваша фирма? – поинтересовался я с долей ехидства и ожидая что-то вроде "вам лучше этого не знать". Но он просто еще раз усмехнулся и ничего не ответил. Вспомнил еще кое-что из инструкций Майкла, я спросил:

— Хорошо, а как мне вас называть?

— Зови меня Ником – ответил он и не попрощавшись, ушел, а мне хотелось догнать его и отхлестать по невозмутимой физиономии, но вместо этого я допил свой бурбон. И тут мне пришло в голову, что одно действительно роднит лже-Ника с моим покойным боссом и это их язык. Если где-нибудь в провинции услышали бы его речь, то и ему могли бы польстить "британским акцентом". Этот мерзкий шпион тоже говорил слишком чистым языком.

— Ну, что ты хотел бы знать? – спросил я "специалиста".

— Да пожалуй, ничего – ошарашил меня он. Ингинен говорил с сильным акцентом, но более или менее чисто. Видя мое недоумение, он пояснил:

— Думаю, что у вас все на микросхемах. В этом случае, даже если удастся получить вашу аппаратуру, все равно не получится замерить потенциалы на эмиттерах. А без этого не удастся взломать уровневую защиту. Ведь у вас комбинируют частотную модуляцию с амплитудной?

Я просто обалдел от этого заявления. Кто теперь кому секреты выдает? На самом деле мы только начали задумываться о комбинированной модуляции, а у русских, как выясняется, она давно используется. Вот обрадуется Майкл.

— А у вас? – спросил я в лоб.

— Нам до микросхем еще дожить надо – грустно сказал Ингинен – Те что у нас есть не проходят военную приемку.

Этот русский нравился мне все больше и больше, хотя я и подозревал, что тут ведется какая-то заумная игра. Вот только у меня сложилось впечатление, что мы оба в ней за болванов, а джокеры – товарищ Парфенов и мистер Майкл – стоят за нашей спиной и потирают руки. Мы еще поговорили и я узнал кое-что о состоянии электроники в СССР, а он – почти ничего о гибридных микросхемах. На прощание я поинтересовался его фамилией:

— По мне так Ингинен, не похоже на русскую фамилию.

— Ну почему же? – возразил он неестественным голосом и вдруг принялся выполнять странные манипуляции: снял свой двубортный пиджак необычного покроя и перевесил его почему-то на стул за соседним столиком. После чего он вернулся и продолжил совсем другим тоном:

— Ингинен – финская фамилия, но я не из Финляндии, а из Карелии.

Я поинтересовался, при чем здесь Корея, ведь он совсем не похож на азиата. Отсмеявшись, он объяснил мне мою ошибку.

— Нас тоже выгнали с нашей земли – стал рассказывать он – Но хотя бы нас не собирались уничтожить всех поголовно. И на том спасибо, хотя многие погибли все равно.

Корпорации пытались разорить моего старика и выкупить у него землю по дешевке, но у них ничего не вышло. Поэтому я не мог взять в толк о чем он говорит, хотя на всякий случай согласно кивал. И только позже, много позже я понял, кого он имел в виду.

— И еще... – добавил русский – Чтобы замерить сигналы, надо хотя бы включить аппаратуру, а это невозможно без ключа.

Я непонимающе уставился на него и он пояснил:

— Это такая коробочка с множеством штырьков, которые коробочка соединяет друг с другом определенным образом. Коробочка втыкается в разъем на приборе и, если штырьки соединены правильно, то прибор включится, а если неправильно, то может и взорваться.

Сказав это он снял свой странный пиджак с соседней скамейки, и вернулся ко мне приложив палец к губам. Чудеса не прекращались, но я не знал верить русскому или нет. Русский инженер посмотрел на меня взглядом человека, который долго не мог на что-то решиться, но, наконец, решился, и теперь, когда изменить уже ничего нельзя, на него снизошло неестественное спокойствие. Потом он попрощался и ушел, а я налил себе еще бурбона.

Мои утренние гости ушли, но я подкоркой параноидально ощущал незримое присутствие Парфенова. Наверное, подумал я, он ждет что я сейчас брошусь к ближайшему телефону и начну названивать в ФБР. Звонок был бесплатным и меня не остановило бы отсутствие "никелей", но заветный номер все равно был записан в телефонной книжке, а ее я забыл дома. Поэтому я неторопясь потащился к себе не забыв прихватить с собой остатки бурбона. Всю дорогу я демонстрировал душевную опустошенность, не глядя по сторонам и опустив голову. Признаюсь, мне это далось легко, если не сказать – естественно. Вернувшись, я, зашел домой и, вооруженный волшебным номером, также нехотя поплелся наверх. Бабушка, встретив меня в дверях сказала: "ne rabotaet". Это было за пределами моих знаний русского языка и я, вежливо ответив "spasibo", прошел к телефону, который неожиданно оказался мертв. Началось, подумал я! Уже не имитируя депрессию, я бросился вниз и быстро залез в свою тачку, но и она не подавала признаков жизни. Ее мне всегда чинил кубинец Рафа, а кубинцы, как известно, самые лучшие в мире механики. Поэтому в своем еще не слишком старом Додже я был уверен и поломка показалась мне более чем странной. Сам я не слишком разбираюсь в механике, но смог бы хотя бы прозвонить проводку, однако ничего такого мне делать не хотелось и я поймал такси, неторопливо проезжавшее по нашей улице. Только усевшись на обитое драной синтетической кожей сиденье я задумался над целью своей поездки. Дело в том, что я напрочь забыл куда собирался ехать и вспомнить это мне никак не удавалось. Больше всего мне хотелось сейчас увидеть Наоми и все ей рассказать, но у меня не было ее адреса. И тут я сообразил, что так и не сказал таксисту куда ехать, а машина уже неторопливо движется по направлению к центру Бостона. Заднее сиденье отделяло от водителя темное стекло, но я с подступающим холодком в груди разглядел силуэт второго человека на правом сиденье передо мной. Теперь, по всем законам жанра рядом со мной должен был материализоваться какой-нибудь мерзкий тип, который, ткнув в меня длинноствольным пистолетом с глушителем, прошипит: "Только пикни и получишь пулю!!" Однако сзади кроме меня никого не было. Решив все же, по совету лже-Ника, не пренебрегать стереотипами, я собрался было выброситься на ходу из машины, но тут перегородка начала опускаться. Человек справа обернулся и оказался Майклом. Отложив исполнение каскадерских трюков, я решил не удивляться и не нашел ничего лучшего как потребовать:

— Телефон-то подключите!

— Уже – сказал Майкл без каких-либо эмоций.

— ... И тачку почините! – нагло заявил я, гневно глядя на него.

— Уже – повторил тот также безэмоционально, а потом добавил:

— Познакомься с... – и он сделал жест в сторону водителя.

— Джон – представился тот, и не оборачиваясь махнул рукой – Очень приятно!

Мне было не слишком приятно, но я угрюмо пробормотал что-то социальное. У водителя был такой акцент, что он мог оказаться кем угодно, только не "Джоном". Дальше мы ехали молча. Свернув с Хантингтон-авеню и повернув пару раз, мы заехали во двор какого-то мрачного здания, а потом, выйдя из псевдо-такси, поднялись по пожарной лестнице и оказались в небольшой, но уютной квартирке. Майкл первым делом подошел к холодильнику и вытащил оттуда упаковку кока-колы, пару банок пива и всевозможные закуски, по большей части – консервы. Себе он пододвинул банку пива, другую швырнул напарнику, а мне указал на кока-колу. Потом открыл несколько консервных банок и предложил мне со словами:

— Давай, Стэнли, ты же сегодня плохо позавтракал!

— А послал я как? – поинтересовался я, но не получил ответа.

У меня от волнения всегда пробуждается аппетит, поэтому через некоторое время я обнаружил себя пожирающим сардины. Майкл и "Джон" терпеливо ждали. Когда я насытился и вопрошающе уставился на Майкла, тот сказал:

— Николай Александрович Парфенов... И не смотри на меня круглыми глазами. Именно так зовут твоего утреннего собеседника.

— А..? – начал было я.

— Советский атташе по культуре – объяснил Майкл – Вот такая у них культура!

Тут я сообразил, что очкастый атташе действительно имел полное право именоваться Ником, вот только меня это почему-то не обрадовало. А Майкл продолжал:

— Товарищ Парфенов идентифицирован нами как установленный офицер ГРУ, действующий главным образом в странах Ближнего Востока. Это делает его интерес к тебе неслучайным и заодно объясняет его вклад в культуру нашей страны, хотя раньше он все больше мусульманскую культуру развивал.

— Он убил Ника, Натали и Артура – мрачно сказал я.

— Не своими руками – возразил "Джон" – Возможно он даже не планировал этот взрыв. Зато наш Николай Александрович хорошо умеет использовать обстоятельства в свою пользу.

— Так это действительно был взрыв газа? – удивился я.

— Несомненно. Вот только газовую трубу кто-то подпилит ножовкой – грустно улыбнулся Майкл, а я вспомнил, как Ник любил курить на кухне тайком от Натали.

— Есть много способов добиться своего не будучи формально причастным – продолжил "Джон" – Например можно аккуратно подвести подходящих людей к тому, что тебе нужно, при этом ни разу не озвучив свои истинные цели.

— Айша!?! – закричал я, вскочив и опрокинув остатки сардин.

Под требовательными взглядами ФБР-овцев я рассказал о нашей корпоративной вечеринке в "Мудром Вороне". Когда я закончил, "Джон" полистал свою записную книжку, потом порылся в неизвестно откуда взявшемся портфеле и сказал тоном телефонной справочной:

— Айша Халаби: девятнадцать лет, родилась в лагере Шатила, в Израиле никогда не была. Работает мойщицей посуды в халяльном ресторане. Никогда не участвовала ни в акциях, ни в планировании акций. Можно найти больше в картотеке, но я уверен что это не она.

— А кто вообще рассказал русским про нас? – спросил я и осекся.

— Хамид? – спросил Майкл. "Джон" опять углубился в изучение своего портфеля. Наконец он изрек:

— Хамид Масри, тридцать два года. Коренной бейрутец. Закончил Гарвард по специальности "этнография". Несколько раз оказывал услуги террористическим организациям, но всегда при этом оставался в рамках закона.

— Какие услуги? – спросил Майкл.

— Информация, посредничество, закупки, но закупки только легальных товаров, например легководолазного снаряжения. Очень осторожен, так что пока у нас ничего на него нет. Кроме того, Масри уверенно рвется в политику и уже имеет определенный авторитет в суннитских кругах Бейрута.

Ах ты падла, подумал я, следующую "Отвертку" я засуну тебе в жопу. Но меня отвлек Майкл:

— Как ты думаешь, Стэнли, Парфенов тебе поверил?

Я задумался. Наш разговор в закуской уж слишком напоминал пьеску из жизни шпионов.

— Вряд ли – признался я – Уж очень топорно все было проделано. Не похоже, что он вообще планировал меня завербовать.

Контрразведчики переглянулись.

— Может передать дезу? Хотя нашему Стэнли от них ничего не надо, верно Стэнли?

Я пожал плечами.

— А этот тип, Сергей... Кто он такой? – спросил Майкл и мы с ним привычно посмотрели на "Джона". Ответ не заставил себя ждать, после очередной манипуляции с портфелем:

— Ингинен, Сергей Прокофьевич, инженер-электронщик, по национальности финн из Карелии, но ни слова не знает по-фински. Работал по специальности на Кубе и в Чаде. В непосредственной разведдеятельности не замечен. Вероятно, Парфенов его привлек.

— Но зачем? – Майкл посмотрел на "Джона" – Зачем им нужна встреча Стэнли с этим их специалистом?

Тот недоуменно пожал плечами. Майкл проворчал:

— Тогда я совсем ни хрена не понимаю.

— А я, кажется, понимаю – вставил я.

Если бы в мою задачи входило бы только удивить этих клоунов, то я был бы удовлетворен. Но они потребовали объяснений и я победно заявил:

— Это вроде реверсивной инженерии, но от противного.

Как я и ожидал, они не поняли ни слова и я от души наслаждался моментом. Лицо Майкла сначала покраснело, потом позеленело, а когда оно почернело, то я понял, что пора заканчивать и пустился в объяснения:

— Если ты точно знаешь, что тебе будут врать, но точно знаешь о чем будут врать, то можешь инвертировать вранье и таким образом узнать, что происходит на самом деле.

— Понял – сказал "Джон" – если точно знаешь, что тебе гонят дезу, то можно догадаться что там на самом деле.

— Наверное – добавил я – они считают, что я дурак и обязательно что-нибудь выболтаю.

Они снова переглянулись, и я прочел в их глазах что надежды русских небезосновательны.

— Тогда возможны дальнейшие встречи – сказал Майкл и ехидно добавил – Для консультаций.

— Интересно – удивился я – как этот специалист меня найдет?

— А как Парфенов тебя нашел?! – отрезал Майкл, и добавил более спокойно – Ты хоть обратил внимание на его очки?

При этом они с "Джоном" переглянулись с какими-то одинаково мерзкими усмешками. Мне не нравится, когда надо мной смеются, но я решил не принимать насмешки на свой счет и нерешительно сказал:

— Странные какие-то очки... Я таких ни на ком не видел.

Тут эти мерзавцы заржали в голос. Отсмеявшись и увидев мое кислое лицо, Майкл сказал:

— Не обижайся, это мы не над тобой.

— Товарищ Парфенов умеет не выделяться, в отличие от его инженера – вмешался "Джон" – Первым делом, я полагаю, он приделался где-нибудь в Мейсис и сделал это основательно и со вкусом, как он умеет...

Я вспомнил идеально сидящие на Парфенове брюки, рубашку без единой складочки и осторожно кивнул.

— Одни лишь очки у него советские, ты таких действительно нигде не мог видеть. Ну а все советское, как известно, самое лучшее, потому и выделяется – тут они снова почему-то заржали, хотя я не видел ничего смешного в хорошем качестве советских товаров. Оставалось непонятным, почему склонный к маскировке сотрудник ГРУ допустил прокол с очками. Спросить я не успел:

— А что ему оставалось делать? У него же астигматизм – ответил Майкл на не заданный мною вопрос.

Потом, взглянув на напарника, спросил немного непонятно:

— Как засвечиваться будем?

— Может его домой подвезти? – предложил "Джон".

— Слишком грубо – отрезал Майкл – Завтра что-нибудь придумаем. Ладно, хватит на сегодня, а то нашего Стэнли удар хватит.

Сейчас Майкл был похож не на сурового шпиона и не на мрачного ФБР-овца, а скорее на доброго дядюшку. Но было заметно, что его беспокоит что-то еще. Поколебавшись лишь мгновение или два, он открыл дверь в соседнюю комнату и, заглянув туда, произнес пару слов, которые я не расслышал. Через минуту оттуда вышла веселая брюнетка средних лет и помогла мне надеть бронезилет под рубашку, снабдив его рекомендацией никогда его не снимать вне дома. Подмигнув брюнетке, которой я успел продемонстрировать свой торс, я гордо вышел на улицу, чувствую себя Шоном Коннери и Роджером Муром<sup>2</sup> одновременно демонстрируя при этом походку Юла Бриннера<sup>3</sup>, хотя бронезилет ощутимо тянул меня вниз. Мы вышли к машине и Майкл сказал:

— Доберешься сам? Тут совсем рядом трамвай ходит.

Я устало кивнул. Когда мотор завелся, Майкл перегнулся через "Джона" и сказал:

— Клод...

— Что? – не понял я.

— Клод Белвью. Это мое имя – сказал он.

— Йорам – сказал "Джон".

— Я понял – пробормотал я – Наверное тоже имя.

Новоиспеченный Йорам улыбнулся так, как наверное мог бы улыбнуться памятник Линкольну, если бы конечно памятники могли улыбаться. А ведь он не из ФБР, подумал я, но развивать эту мысль у меня уже не было сил.

Трамвай быстро довез меня до границы Бостона и Бруклайна. Оттуда до моего дома нужно было пройти всего два блока, и дорога была обычно хорошо освещена. Поэтому я шел погруженный в свои думы и не смотрел по сторонам, хотя в иных местах нашего города, порой следует быть поосторожнее. Последний фонарь перед нашим подъездом не горел, как частенько случалось последнее время, и я стал внимательно смотреть под ноги. Вероятно именно это меня и спасло, потому что внезапно по асфальту метнулась длинная тень. Навер-

---

<sup>2</sup> Первые исполнители роли Джеймса Бонда.

<sup>3</sup> Популярный артист. Его необычной походке подражали дети в США.

ное виной этому был фонарь в дальнем конце улицы, свет которого на миг загородил человек, ударивший меня длинным ножом. Напуганный страшной тенью, я дернулся и лезвие, метящее мне в шею, скользнуло мимо, лишь оцарапав кожу. Промашнувшийся, лицо которого я не смог увидеть, различив лишь черную куртку, ловко перехватил нож и ударил меня снизу в живот. Удар ножом снизу бывает обычно слабее, чем удар замахом, но мой убийца постарался на славу, сразу обломав лезвие о пластину бронежилета. Не ожидая такого оборота дела, он по инерции качнулся вперед и нежно меня обнял. Теперь я понял почему не смог его раньше разглядеть: парень был черным как ночь, а может быть мне так показалось со страху. Только сейчас я догадался истошно заорать и недолго думая заехал ему по носу. Получилось неплохо, наверное это сработал автоматизм полученный мной на кратком курсе бокса в колледже. Несостоявшийся убийца схватился за нос, а я еще добавил ему удар его в живот, заставивший бандита согнуться. При этом я непрерывно вопил что-то нечленораздельное. Но мне не дали торжествовать победу. Рядом со согнувшимся в поклоне бандитом возник еще один, такой же черный и в такой же черной кожанной куртке. Обеими руками он держал револьвер огромного размера, как у "Грязного Гарри". До него были от силы два фута и мне показалось что дуло револьвера смотрит прямехонько мне в рот. Я даже увидел как стал сгибаться палец на курке и невольно закрыл глаза чтобы не видеть этого ужаса.

Выстрел грохнул залпом артиллерийского орудия и мне сразу заложило уши, что меня страшно удивило, так как по моим предположениям ушей у меня уже не должно было оставаться. Пришлось открыть глаза. С удивлением я увидел коленапреклоненного убийцу-неудачника, в полном одиночестве сжимающего в руке обломок ножа. "Грязного Гарри" поблизости видно не было. С еще большим удивлением я разглядел его лежащим лицом кверху шагах в пяти дальше по тротуару. И уж совсем я изумился при виде дула помпового ружья, торчащего у меня из-под мышки. Из дула шел дымок, а само ружье дрожащими руками держал Стив Морган. Мы со Стивом так и застыли в этой нелепой позе, напоминающей композицию сильно обкурившегося скульптора, когда к нам подскочил непонятно откуда взявшийся, но явно опоздавший Йорам. Чтобы продемонстрировать свою крутизну, а может, чтобы загладить свой промах, он быстро выполнил три изящных движения, напомнивших мне балетное действие. Вначале он коротким ударом уложил наземь счастливого обладателя сломанного ножа. Вторым движением он изящно выхватил помповуху из рук Стива, а третьим – закатил мне звонкую оплеуху. С последним он мог бы и не торопиться, но все же оплеуха подействовала и я, с криком "какого дьявола?" вывалился наконец из ступора.

Потом было многое... Приехали многочисленные тачки с мигалками, увезли несостоявшегося убийцу, а то что осталось от "Грязного Гарри" соскребли с тротуара и тоже увезли. В палисаднике какие-то сотрудники отпаивали Стива успокаивающим и спрашивали Грегори, который ничего не успел заметить, но очень хотел помочь. На улице Йорам с Клодом долго и истерично ругались, обвиняя друг друга в просчете, а про меня на какое то время забыли. Вообще-то я бы и сам не отказался от успокаивающего, но меня похоже посчитали крутым и ничего не дали. Тогда я поплелся было домой, но был остановлен помирившимися Йорамом и Клодом. На меня они смотрели виновато, но я сказал:

— Ладно, проехали – потому что не люблю, когда передо мной извиняются.

— Почему Парфенов пошел на это? – спросил Клод, ни к кому специально не обращаясь.

— Боюсь, что он слишком хитер для нас и ведет очень сложную игру – предположил Йорам.

— Надеюсь, что в этом и его слабость – непонятно выразился Клод.

— Надо будет посоветоваться с Натаном – предложил тот, в ком даже я распознал израильтянина, подтверждая мое предположение, что таинственный Натан принадлежит к той-же шайке. Клод же никак на это замечание не отреагировал. Немного подумав, наверное – о вечном, он предложил послать нас с Наоми в Израиль немедленно, не дожидаясь воскресенья.

— Разумно – согласился израильтянин – Там они будут в большей безопасности.

Клод не возразил, а я задумался о том, что, парадоксальным образом, более безопасным местом для меня становится постоянно воюющая страна. В любом случае, чего мне хотелось больше всего так это быть как можно дальше от Николая Александровича. Интересно, что за все время разговора, ни один из нас даже не заикнулся о возможности того, что налетчиков интересовал только мой кошелек.

## Иерусалим

*Октябрь 1973*

Ближайший рейс на Тель-Авив отправлялся в полночь и чтобы сэкономить время мы с Наоми заказали два отдельных такси прямо до нью-йоркского аэропорта, благо за все платили федералы. У меня, к счастью, вещи были уже собраны, а вот ей, вероятно пришлось собираться в спешке. Мы договорились встретиться на регистрации, куда я и прибыл задолго до необходимого времени как и полагалось поступать настоящему провинциалу. Но перед стойкой меня отловил вездесущий Клод и отвел для разговора в безликий офис, принадлежащий, надо полагать местному отделению ФБР. Там он начал долго и нудно мне втолковывать что-то совсем бессмысленное, периодически посматривая на часы, пока я не сообразил что он просто тянет время. Единственное вразумительное, что он сказал звучало так:

— Ты наверное догадываешься, что мисс Берковиц мы тоже охраняли.

При слове "охраняли" он почти незаметно поморщился, наверное вспомнив, как они с Йорамом охраняли меня, и продолжил:

— Но на нее они не решились давить, и Йорам считает, что это потому, что израильтяне крепче наших. Парфенов, полагаю, того же мнения.

Хрупкая Наоми на первый взгляд не производила впечатления крепкости, но я вспомнил ее атаку на Хамида и задумался. В конце концов Клоду позвонили и он, даже не вешая трубку, нагло заявил:

— Ты бы поторопился, парень, а то на рейс опоздаешь.

Я помчался обратно, гадая на ходу почему Клоду понадобилось, чтобы я зарегистрировался последним. У стойки регистрации меня ждала нетерпеливо подпрыгивающая Наоми.

К нашему восторгу, израильский самолет оказался новейшим двухэтажным Боингом 747 с широченным фюзеляжем и двумя довольно широкими проходами между кресел. Он совсем не походил на тот Дуглас, что вытряс мне все кишки во время полета из Кентукки пару лет назад, а четыре огромных двигателя внушали такое уважение что Атлантика перестала казаться мне слишком широкой. Правда нас посадили в нижнем салоне, но и здесь были удобные, мягкие кресла легко откидывающиеся назад. Вначале наш Боинг очень долго разгонялся а потом взлетел грузно и мягко, без воздушных ям и крутых виражей начав наш двенадцатичасовой перелет. Когда самолет поднялся, веселые стюардессы в полосатых блузках и оранжевых юбках начали разносить еду. Меня заинтересовала подозрительного вида паста в небольшой пластмассовой коробочке.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.